

Савко М.В.

(Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Стаття присвячена дослідженню мовної взаємодії при перекладі аудіовізуальних текстів з французької мови на російську. Аналіз перекладних текстів дозволяє виявити не тільки ряд фактів мовної інтерференції, але й ті специфічні характеристики, які відрізняють перекладні тексти від оригінальних (тобто неперекладних).

Ключові слова: аудіовізуальний переклад, мовна інтерференція, перекладацька мова, перекладацькі універсалії.

Статья посвящена исследованию языкового взаимодействия при переводе аудиовизуальных текстов с французского языка на русский. Анализ переводных текстов позволяет выявить не только ряд фактов языковой интерференции, но и те специфические характеристики, которые отличают переводные тексты от оригинальных (т.е. непереводных).

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, языковая интерференция, переводческий язык, переводческие универсалии.

The article deals with the language transfer (or linguistic interference) in audiovisual translation from French to Russian. The analysis of translated texts reveals not only results of language transfer, but also some characteristic features that distinguish translated texts from the originals.

Key words: audiovisual translation, language transfer, translationese, translation universals.

Когда заходит речь об ограничениях в переводе, можно заранее предположить, что рано или поздно всё сведется к ограничениям, связанным с

различиями в системах исходного языка и языка перевода или же к проблеме переводимости и непереводимости. В настоящем исследовании предлагается взглянуть на проблему ограничений в переводе как на результат ограниченности двуязычия самих переводчиков.

Н.К. Гарбовский считает перевод сложнейшей интеллектуальной деятельностью, которая «представляет собой процесс отражения сознанием переводчика некоторой реальности. Сложность «переводческого» отражения действительности состоит в том, что воспринимает он уже отраженные чужим сознанием факты» [1: 210]. Именно эта двойственность отражения и лежит, по мнению исследователя, в основе перевода как психического процесса. И именно эта двойственность делает сам процесс перевода таким сложным. «Наши восприятия, интуиция и понятия, — пишет Эрнст Кассирер, — сращены с терминами и формами речи родного языка. Чтобы освободиться от связей между словами и вещами, требуются огромные усилия» [2: 596].

Билингвизм переводчиков являет собой пример специфического двуязычия, при котором механизмы, обеспечивающие отбор и контроль информации на выходе должны работать особенно эффективно. Однако переводчик, как и любой билингв, склонен отождествлять системы используемых им языков. Поскольку язык — это система оппозиций, то естественное отождествление языков при билингвизме, которое лежит в основе многих форм интерференции, по мнению У. Вайнрайха, «представляет собой для двуязычного индивида облегчение его лингвистического бремени» [3: 32].

Здесь уместно вспомнить идею Л.В. Щербы о языке с «двумя терминами» [4: 62]. Понятие, таким образом, получает две формы выражения, становится «двусторонним»: имеет свое выражение на двух языках, хотя при этом степень устойчивости ассоциаций для каждого из этих языков может быть разной. Если на одном из языков такая связь не установлена, то в ситуации, когда необходимо выразить определенное понятие, билингв (в том числе и переводчик) может использовать средства выражения другого языка, причем это будет касаться единиц на всех языковых уровнях.

Переводческий билингвизм, с одной стороны, называют творческим, что закономерно, ведь переводчика можно сравнивать с писателем, который создает свои произведения на двух и более языках. Разница между ними лишь в том, что писатель воплощает (т.е. кодирует с помощью языка) свои собственные мысли, а переводчик — чужие. С другой стороны, билингвизм переводчиков характеризуется определенной ограниченностью. Ограниченность творческого двуязычия переводчиков нашла свое отражение в понятиях *переводные тексты, переводческий язык, переводческие универсалии* (в их понимании западноевропейскими и американскими лингвистами). Так, В.Н. Комиссаров убежден, что **все** переводные тексты в той или иной мере несут на себе печать «иноязычности» [5: 103].

Лингвисты пытаются ответить на ряд вопросов, составляющих важную часть современного переводоведения: отличаются ли переводные тексты от оригинальных текстов (т.е. текстов, которые не являются продуктами перевода)? На самом ли деле существует особый «переводческий язык» (translationese)? Существуют ли универсальные законы изменения текста при переводе, не зависящие не только от грамматических особенностей конкретной пары языков, но и от типа переводимых текстов?

На эти вопросы исследователи отвечают как положительно, так и отрицательно. Спор не закончится, пока не будет накоплено значительное количество корпусных данных в пользу той или иной точки зрения. Именно корпусные исследования в теории перевода (в англоязычной литературе corpus-based translation studies) являются одним из тех направлений, по которому следует двигаться науке о переводе. Такой подход позволяет исследовать закономерности, типичные черты, присущие переводным и непереводным текстам, а не единичные, уникальные лингвистические факты.

В настоящей работе приводятся лишь некоторые предварительные наблюдения по данной проблематике, а также очерчивается круг задач, которые предполагается решить в ходе дальнейшего исследования. Это некоторый

эксперимент, имеющий целью выяснить возможность и целесообразность дальнейшего исследования в выбранном направлении.

Материал данного исследования составляют переводы аудиовизуальных текстов — документальных, научно-популярных фильмов — с французского языка на русский, выполненные переводчиками, сотрудничающими с Белтелерадиокомпанией. Беларусь относится к тем странам, где основной переводческой техникой является дубляж. По признаку simultaneity противопоставляются синхронный дубляж и перевод скриптов (сценариев) к фильму с целью дальнейшего его дублирования (т.е. озвучивания). Анализируемые в рамках нашего исследования тексты относятся к последнему случаю, таким образом, мы имеем дело с письменным переводом аудиовизуальных текстов. Переводные тексты не прошли редакторскую обработку. Общий объем анализируемых переводных текстов — около 14 000 слов. Их мы будем называть *корпусом переводных текстов (или переводным корпусом)*.

Кроме того, исследуются оригинальные (т.е. непере译ные) сценарии документальных фильмов, которые оказались доступны в сети Интернет: сценарий документального фильма «Анастасия» (автор сценария Николай Сологубовский), а также ряд сценариев Дмитрия Лавриненко («Два графа», «Книга пространства», «Два лебедя» и др.). Объем текстов, которые в настоящем исследовании составляют *корпус оригинальных текстов (или оригинальный корпус)* — около 14 000 слов.

Материал отбирался таким образом, чтобы оба корпуса получились соразмерными по объему и как можно более однородными с точки зрения временной (все это сценарии последних 3–5 лет) и жанровой принадлежности входящих в них текстов.

Для анализа корпусов использовалась программа-конкордансер AntConc3.2.1w (Windows). С помощью данной программы составлялся конкорданс (т.е. вертикальный список случаев употребления запрашиваемой языковой единицы в изучаемом корпусе текстов, который имеет заданную

глубину контекста справа и слева от искомой единицы) для той или иной языковой единицы, подсчитывалось количество её употреблений в анализируемых корпусах.

Предметом нашего исследования стали результаты языкового взаимодействия, наблюдаемые при аудиовизуальном переводе. Подобный метод анализа продиктован необходимостью обосновать в каждом конкретном случае предположение о том, что тот или иной анализируемый факт есть следствие языкового взаимодействия. Проведенный же ранее сопоставительный анализ текстов перевода (которые в настоящем исследовании составляют переводной корпус) и их французских оригиналов оказался в этом плане недостаточным.

Итак, несмотря на осознанную установку избегать вторжения системы исходного языка в систему языка перевода, переводчик-билингв отождествляет системы используемых им языков и становится заложником исходного языка, даже если речь идет, как в нашем случае, о переводе на родной, доминантный язык. Когда в сознании переводчика происходит в некотором роде смешение двух языков, возникает третий язык, называемый «переводческим». Четкое научное определение «переводческого языка» в лингвистике отсутствует. Чаще всего в этом качестве рассматривается язык перевода (ЯП), где выявляются факты интерференции исходного языка (ИЯ) [6; 7]. Интерференция может затрагивать любой из языковых уровней. Таким образом, переводческий язык (или третий код) представляет собой продукт языкового взаимодействия в сознании переводчика. Результаты этого взаимодействия могут проявляться на любом из языковых уровней.

Традиционно термин «переводческий язык» употребляют по отношению к художественному переводу, но очевидно, что он применим и к другим видам перевода, в частности, к аудиовизуальному переводу. Так, в рассматриваемых нами переводах аудиовизуальных текстов был отмечен ряд фактов грамматической (морфологической и синтаксической) интерференции, проявляющейся, например, в виде нарушений нормы русского языка: *фрегата*

(une frégate), более легко (plus facile), в верхних этажах (dans les étages supérieurs) и т.д.

Следует отметить, что одним из основных факторов возникновения интерференции при аудиовизуальном переводе является требование синхронизации текстов на ИЯ и ЯП. В этом случае переводчик вынужден сближать переводной текст и текст оригинала.

Однако несовершенные или ошибочные речепроизведения на языке перевода, которые очевидны и легко выявляются в тексте, — *прямая интерференция* — на самом деле являются проблемой более низкого порядка, нежели явление, определяемое К. Клауди как *косвенная интерференция*. Такой тип интерференции преодолевать сложнее, так как проявляется она не в грубых ошибках, а в «неорганичности», искусственности фразы на ЯП. Именно подобный тип интерференции и придает переводным текстам определенный налет «иностранности», что позволяет носителю языка легко отличить переводной текст от оригинального. «Каждое его предложение составлено по правилам родного языка и воспринимается носителями языка как грамматически правильное предложение, но весь текст в целом отвергается как не соответствующий их интуитивным представлениям о правильно построенных текстах» [5: 81].

Анализ рассматриваемых переводных текстов дает все основания говорить о наличии доминанты французского текста и ее проекции на русский, что проявляется в изоморфности словопорядка в предложениях на французском и русском языках, в наличии в тексте перевода синтаксических структур, характерных больше для французского (ИЯ), нежели для русского (ЯП) языка: *Более дешевые, духи могли отныне завоевывать более широкую клиентуру. Moins cher, le parfum peut désormais conquérir une clientèle plus vaste* [Лалик, человек стекла].

Приведенный пример отражает еще одну характеристику переводных текстов: тенденция к анализу форм сравнительной степени прилагательных. В подавляющем большинстве случаев при переводе на

русский язык сохранялись аналитические формы типа *более/менее+adj*. Так, обратившись к нашему корпусу оригинальных текстов, мы находим в нем только 2 случая употребления аналитической формы, тогда как в корпусе переводных текстов было обнаружено 15 таких употреблений.

Избыточное употребление указательных местоимений в тексте перевода также обусловлено влиянием исходного (французского) языка, где частотность употребления демонстративов значительно выше, чем в русском, что связано с наличием у французских демонстративов *ce (cet), cette, ces* функции актуализатора: *Он приплыл в Торчелло на лодке, увидел **это** место, влюбился в него с первого взгляда и решил приобрести **это** здание. **Это** было в тысяча девятьсот тридцать четвертом году...— Il serait arrivé en fait à Torcello par bateau, il découvrit **cet** endroit qui était une ancienne cave à vin, il tomba amoureux de **cet** endroit et décida d'acheter le bâtiment, **c'était** dans les années 1934.* [Её величество Венеция].

Данные по корпусам оказываются следующими: в переводных текстах было обнаружено 229 употреблений, в оригинальных — 193.

В этом контексте следует также отметить и общую перегруженность местоимениями, наблюдаемую в переводных текстах. Еще В.Г. Гак указывал на большую «местоименность» французского языка. «Нормы французского языка допускают повторение местоименных форм в значительном отрывке текста, в то время как такое бесконечное повторение местоимений нежелательно в русском языке, и им соответствуют существительные» [8: 24]. Для наглядности В.Г. Гак приводит любопытный пример: Флобер в описании учения Ш. Бовари (три страницы французского текста) ни разу не называет героя по имени, переводчик же (Н.М. Любимов) шесть раз заменяет местоимение именем Шарль [8: 25].

В сопоставляемых нами корпусах количество личных местоимений (во всех падежных формах) также различалось: в переводном корпусе — 738 употреблений, в оригинальном — 602.

Рассмотренные факты косвенной интерференции определяются влиянием системы исходного языка. Косвенная интерференция не так очевидна в тексте перевода, как прямая, и её преодоление требует от переводчика (как, впрочем, и от редактора) больше усилий.

На этом фоне переводческие универсалии представляются значительно более сложным явлением, как для исследователя (их обнаружение требует статистической обработки большого корпуса текстов), так и для самого переводчика. Для последнего они оказываются абсолютно невидимыми, неявными.

Под переводческими универсалиями понимаются определенные универсальные характеристики, присущие всем переводам, по которым можно сделать вывод о том, что данный конкретный текст является переводом, а не оригинальным текстом, написанным носителем языка. Данные характеристики не зависят ни от типа перевода (синхронный, последовательный, письменный, перевод с иностранного языка или на иностранный язык и т.д.), ни от контактирующих языков [9: 306].

О переводных текстах принято говорить, что, как правило, они уступают по качеству текстам, написанным носителями языка. В данном случае речь идет даже не о грамматических ошибках, лексических или стилистических неточностях, а о довольно субъективной оценке перевода читателем (носителем языка).

Согласно данным, полученным некоторыми исследователями (М. Бейкер, С. Лавиоза и др.), невысокое качество перевода обуславливается рядом факторов и выражается в форме отклонения относительных частот элементов текста (слов, словосочетаний, синтаксических структур), а также в специфичном применении норм ЯП переводчиками [9: 307–309].

В последние два десятилетия переводческие универсалии стали объектом внимания ряда исследователей. Разные авторы выделяют различные типы и разное количество переводческих универсалий: *симплификацию*, *эксплицитацию*, *нормализацию*, *конвенционализацию* и некоторые другие. Всё

это объясняется нечеткостью формулировок и нечеткими определениями самих универсалий (в частности, сомнению подвергается правомерность употребления термина *универсалия* и предлагается использовать понятие *закон (law)*). Более того, под сомнение ставится само существование переводческих универсалий [10]. Основная методологическая проблема при решении этого вопроса состоит не в том, как искать, а в том, что именно нужно искать. Кроме того, даже самый большой корпус переводных текстов, составленный на материале английского языка (The Translational English Corpus) и включающий пять миллионов слов, по меркам корпусной лингвистики оказывается слишком маленьким и нерепрезентативным.

Осознавая, конечно, что наши выводы носят характер предположения, учитывая крайне малый объем исследуемых корпусов, в настоящей статье мы коснемся лишь одной из переводческих универсалий, называемой в научной литературе *симплификацией*. Согласно данным переводные тексты значительно проще оригинальных, что может проявляться, например, в том, что длинные и сложные предложения исходного текста разбиваются в тексте перевода на более короткие и простые [11: 43–51]. В частности, одно из проявлений симплификации на лексическом уровне легко обнаружить, даже исследуя небольшие (как в нашем случае) корпусы текстов: переводные тексты лексически более однообразны. При практически одинаковом объеме рассматриваемых нами корпусов, они различаются количеством входящих в них лексических единиц: в оригинальном — 5840, в переводном — 4927. Если попытаться объяснить причины такого упрощения при переводе, то можно предполагать, что к этому ведет сама логика деятельности переводчика. В момент декодирования информации, скрытой в тексте перевода, переводчик старается понять её, а понимание требует разложения чего-то сложного на более простые элементы. Таким образом, переводя текст, переводчик, упрощая, объясняет его себе, а затем представляет этот «упрощенный» и «понятный» текст предполагаемому реципиенту так, чтобы и тот его тоже понял. Вспомним

одно из правил, которое должен запомнить начинающий переводчик: сначала пойми сам, а уж потом объясняй другому...

Изучение переводческих универсалий традиционно проводилось лишь на материале информационно-публицистических и художественных текстов, поэтому, как отмечают исследователи, требуется дальнейшее их изучение на материале текстов другой жанровой направленности. Таким образом, исследование данного явления на материале переводов аудиовизуальных текстов представляется целесообразным, в первую очередь, для проверки *гипотезы* о том, что *переводческие универсалии проявляются во всех переводах и не зависят от типа переводимых текстов*. Однако для этого необходимо наличие большого корпуса переводных и оригинальных текстов. Результаты подобного исследования могли бы быть использованы в интересах самих переводчиков (профессиональных и начинающих), а также в работе редакторов и стилистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский— М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.
2. Кассирер Э. Язык / Э. Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. — М.: Гардарики, 1998. — С. 568–602.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / Зарубежная лингвистика: в 3 ч. / [под ред. В. А. Звегинцева, Н. С. Чемоданова]. — М.: Изд. Прогресс, 2002.— Ч. 3.—2002. — С. 7–43.
4. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 427 с.
5. Interferenz in der Translation / [Herausgegeben von Heide Schmidt]. — VEB Verlag Enzyklopädie. — Leipzig, 1989. — 144 p.
6. Øverås L. In Search of the Third Code: An Investigation of Norms in Literary Translation [Electronic resource] / L. Øverås // Meta: journal des traducteurs /

Meta: Translators' Journal — 1998. — Vol. 43, № 4. — p.557–570. — Mode of access: <http://id.erudit.org/iderudit/003775ar>.

7. Baker M. Réexplorer la langue de la traduction : une approche par corpus [Electronic resource] / M. Baker // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal — 1998. — Vol. 43, № 4. — p. 480–485. — Mode of access: <http://id.erudit.org/iderudit/001951ar>.
8. Гак В.Г. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков / В. Г. Гак, Е. Б. Ройзенблит. — М.: Высшая школа, 1965. — 367 с.
9. Routledge Encyclopedia of Translation Studies / [ed. by Mona Baker, Gabriela Saldanha]. — New York & London, 2008. — 650 p.
10. Translation universals: do they exist? / [ed. by Anna Mauranen, Pekka Kujamäki]. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. — 221 p.
11. Laviosa S. Corpus-based translation studies: theory, findings, applications / S. Laviosa. — Amsterdam – New York, NY: Rodopi B. V., 2002. — 138 p.